

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
LITERARY STUDIES
HISTORY OF RUSSIAN LITERATURE

DOI 10.22363/2312-9220-2022-27-3-459-467

УДК 821.161.1.0

Научная статья / Research article

**Космогнозехатологический и пасхальный архетипы
в творчестве Даниила Хармса 1930-х гг.**

А.В. Корнеев

*Томский государственный университет,
Российская Федерация, 634050, Томск, пр-кт Ленина, д. 36*

 alexlea2013@gmail.com

Аннотация. Изучается динамика творчества Д.И. Хармса 1930-х гг.: если его раннее творчество функционирует в соответствии с представлениями о космогнозехатологическом архетипе, то позднее он обращается к пасхальному архетипу, в особенности в повести «Старуха» (1939), которая может быть описана как финальная точка отказа от авангарда. Цель исследования – показать процесс перехода Хармса от космогнозехатологического к пасхальному архетипу. Этот процесс в творчестве Хармса описывается впервые. Материал исследования – произведения Хармса 1930-х гг. Методология исследования определяется современными теоретическими представлениями о категориях архетипа и мифа. Переход от космогнозехатологического архетипа к пасхальному начинается в творчестве Хармса рассказом «Утро» (1931). В этом рассказе Хармс сосредотачивается на описании быта, при этом главным мотивом в рассказе становится мотив ожидания чуда, которое так и не произойдет. Данный рассказ отличается от предшествующих произведений Хармса и показывает отход писателя от позиций собственных философских трактатов 1927–1931-х гг. и от свойственного авангарду типу мышления – космогнозехатологического архетипа. Это приводит к разрушению в его творчестве мифа как картины мира, объясняющей мир, к формированию сюжета сомнения, функционирование которого приводит к тотальной бессвязности и разобщенности в его поэтике. Итогом становится повесть «Старуха», в которой актуализируется архетип Пасхи, в результате чего происходит связанное с обращением к Богу духовное возрождение героя.

Ключевые слова: Даниил Хармс, миф, авангард, космогнозехатологический архетип, пасхальный архетип

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Корнеев А.В., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи: поступила в редакцию 12 мая 2022 г.; откорректирована 13 мая 2022 г.; принята к публикации 14 июня 2022 г.

Для цитирования: Корнеев А.В. Космогноэсхатологический и пасхальный архетипы в творчестве Даниила Хармса 1930-х гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27. № 3. С. 459–467. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-3-459-467>

Cosmogoneschatological and Easter archetypes in the work of Daniil Kharms in the 1930s

Alexander V. Korneev

Tomsk State University,
36 Prospekt Lenina, Tomsk, 634050, Russian Federation
✉ alexlea2013@gmail.com

Abstract. The research is devoted to the dynamics of D.I. Kharms' creativity in the 1930s: if his early work functions in accordance with the ideas of the cosmogoneschatological archetype, then later he turns to the Easter archetype, especially in the story "The Old Woman" (1939), which can be described as the final point of abandonment of the avant-garde. The goal is to show the process of Kharms's transition from the cosmic-eschatological to the Easter archetype. This process in the work of Kharms is described for the first time. The research material is Kharms' works of the 1930s. The methodology is determined by modern theoretical ideas about the categories of archetype and myth. The transition from the cosmogoneschatological archetype to the Easter archetype begins in the work of Kharms with the story "Morning" (1931), where Kharms focuses on describing everyday life, while the main motive in the story becomes the motive of waiting for a miracle that will never happen. This story differs from the previous works of Kharms and shows the writer's departure from the positions of his own philosophical treatises of 1927–1931 and from the type of thinking characteristic of the avant-garde – the cosmic-eschatological archetype. This leads to the destruction of the myth in his work as a picture of the world that explains the world, leads to the formation of a plot of doubt, the functioning of which leads to total incoherence and disunity in his poetics. The result is the story "The Old Woman," in which the archetype of Easter is actualized, as a result of which the spiritual revival of the hero associated with the appeal to God takes place.

Keywords: Daniil Kharms, myth, avant-garde, cosmogoneschatological archetype, Easter archetype

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted May 15, 2022; revised May 13, 2022; accepted June 15, 2022.

For citation: Korneev, A.V. (2022). Cosmogoneschatological and Easter archetypes in the work of Daniil Kharms in the 1930s. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 27(3), 459–467. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-3-459-467>

Введение

В 1930-х гг. в творчестве Д.И. Хармса происходит перелом. В «Старухе» (1938) он отказывается от авангарда и обращается к «неоклассическим формам» (Кобринский, 2008, с. 433). Как будет показано в данном исследо-

вании, это становится финальной точкой ранее выявленного процесса перехода Хармса от космогноэсхатологического архетипа к пасхальному (Корнеев, 2022).

Творчество авторов-авангардистов определяется космогноэсхатологическим архетипом¹. Данный архетип в творчестве выражается в мотиве разрушения различных предметом². Однако в позднем творчестве Хармса наблюдается обращение к иному архетипу: так, в повести «Старуха» он обратился к пасхальному архетипу (Корнеев, 2021).

В современном литературоведении пасхальный архетип выделяется в качестве особой категории исследования. Основу подходов к его изучению заложил И.А. Есаулов, определив как «культурное бессознательное: сформированный той или иной духовной традицией тип мышления, порождающий целый шлейф культурных последствий» (Есаулов, 2008, с. 166). Обращение к иному архетипу в поздние годы указывает на изменение «типа мышления».

В литературном произведении архетип может быть реализован на разных уровнях художественной структуры. Данное исследование сосредоточено на реализации архетипа в сюжете произведения. Как покажет дальнейший анализ, процесс изменений архетипов, определяющих тип мышления Хармса, выразится в формировании в его произведениях сюжета сомнения, проявляющегося в выборе между верой и неверием, двумя мирами, подчиненными чуду и случайности и даже конфликту, который в ряде произведений Хармса, например в цикле «Случай», становится одним «из самых эффективных герменевтических указателей к пониманию текста, определяющих направление интерпретации» (Хомякова, 2021, с. 503).

Цель исследования – показать динамику изменения «типа мышления» Хармса, его постепенный отказ от космогноэсхатологического архетипа и обращение к пасхальному архетипу. Новизна исследования заключается в том, что динамика этого перехода описывается впервые. Актуальность определяется актуальностью архетипического, мифопоэтического и сравнительно-исторического методов в современном литературоведении. Методология исследования обусловлена теоретическими исследованиями архетипа и мифа в творчестве Хармса и архетипа и мифа в целом.

В качестве определения понятия архетипа используется представление о «типе мышления», сформулированное И.А. Есауловым. Следует сделать уточнение, что И.А. Есаулов обращается в первую очередь к сюжетным схемам, определяющим мышление человека. В актуальном современном исследовании Т.Н. Козиной следующим образом определяются черты пасхального архетипа и наиболее выражающего его жанра пасхального рассказа (к которому относится и повесть «Старуха»): «Основной идеей пасхального рассказа становится преобразование жизни, уничтожение в себе „ветхого человека“, очищение от грехов, прощение обидчика во имя спасения души, проявление способности радоваться чужому счастью. Основной принцип

¹ Гирин Ю.Н. Диалектика авангарда. URL: <http://www.russ.ru/pole/Dialektika-avangarda> (дата обращения: 03.08.2021).

² Там же.

развития сюжета – пасхальное ожидание и вера в чудо Воскресения» (Козина, 2019, с. 22).

Помимо этого, в качестве основы для анализа мифопоэтики используется следующая формула мифа А.Ф. Лосева: «В словах данная чудесная личностная история» (Лосев, 2001, с. 171). Ключевым является понятие «чуда»: «Всегда мы наблюдаем только *частичное* совпадение реально-вещественного образа вещи с ее идеальной заданностью-выполненностью, с ее первообразом. <...> Тем более нужно считать удивительным, странным, необычным, *чудесным*, когда оказывается, что личность в своем историческом развитии <...> выражает и выполняет свой первообраз целиком, достигает предела совпадения обоих планов, становится тем, что сразу оказывается и веществом, и идеальным первообразом. *Это и есть настоящее место для чуда*» (Лосев, 2001, с. 185) (курсив А.Ф. Лосева. – А.К.). При переходе от одного архетипа к другому в творчестве Хармса будет происходить разрушение картины мира, с которой связана личностная история.

Результаты

Раннее творчество Хармса является убедительным подтверждением описания мифологического мышления авангарда Ю.Н. Гириным³, поскольку в нем сюжеты творения и разрушения мира имеют особую, свойственную авангарду роль: художник становится особой мессианской фигурой, разрушающей и воссоздающей заново реальность. С 1927 по 1931 г. Хармс пишет многочисленные философские трактаты, в которых исследует границы человеческого «я» и мира, который определяется или, в терминологии Хармса, «регистрируется» художником (Шадрин, 2009). В данных многочисленных трактатах часто встречаются мотивы разрушения и созидания.

Начиная с 1931 г. в произведениях Хармса идея власти человека над реальностью разрушается, субъект сталкивается с силой, превосходящей его, которая стремится подчинить его самого. Разрушение личностной истории оказалось связано с постепенным отхождением Хармса от космогонезхатологического архетипа. Впервые это обнаруживается в рассказе «Утро». Сюжет посвящен ожиданию чуда, повествователь ждет свершения хотя бы какого-нибудь чуда и фрустрирован тем, что не получает ответа на свои молитвы. На скрытое за этим религиозное напряжение указывают дневники (Хармс, 2002). С 1931 г. Хармс в них постоянно описывает свое состояние. Далее в его дневниковых записях все чаще встречаются упоминания о собственных пороках и о том, что Хармс «погибает» в них (Хармс, 2002). Ощущение бессилия перед собственными грехами позже найдет выражение в повести «Старуха». Наконец, в этом же 1931 г. у него появляется замысел так и не написанной повести о Христе.

В рассказе «Утро» идеальный и реальный планы бытия находятся в конфликте, их ожидаемая встреча, вопреки вере и желанию героя, не может состояться. Поэтому сомнение является преобладающим настроением героя, под этой силой сомнения разрушается его старый образ мира и себя, и этот

³ *Гирин Ю.Н.* Диалектика авангарда. URL: <http://www.russ.ru/pole/Dialektika-avangarda> (дата обращения: 03.08.2021).

путь изменения мышления героя, как уже отмечалось ранее, напрямую связан с религиозными переживаниями Хармса. Рассказчик выбирает между двумя моделями мира: подчиненного чуда и подчиненного случайности. Чудо как проявление высшей идеальной реальности, движению судьбы, встречи с Богом противопоставлено случайности и бессмысленности человеческого существования без Бога. Поскольку этой встречи, чуда, не происходит, за рассказчиком и читателем остается выбор между верой и неверием, что и формирует сюжет сомнения.

Сюжет сомнения явно проявляется в стихотворении 1933 г. «Жил-был в доме тридцать три единицы...», в котором описываются события, происходящие после смерти одного из жильцов многоквартирного дома. Подчеркнуто сказочный зачин стихотворения – «жил-был», тридцать три единицы, ассоциирующиеся с 33-мя богатырями А.С. Пушкина, – сменяется изображением лишенной смысла, обесцененной бытовой жизни жителей этой квартиры. Жизнь старика обесценивается смертью, он становится только объектом, с которым осуществляют манипуляции как с неживым предметом: его передвигают, толкают, из-под него выдергивают кровать, его вещи начинают постепенно разворовывать. Именно размытие границ человеческого тела, подмены отношения к нему уже не как к человеку, а как к предмету, а также встреча с таинственным и неопределенным – смертью, вызывает ощущение ужаса. В совокупности это формирует в творчестве Хармса специфический, близкий к экзистенциальному тип абсурда. Абсурд в произведениях 1930-х гг. показывает деформированное состояние мира, не соответствующее его должному состоянию. Случайный и хаотичный отбор событий, разрушение в нем связей как личностных между людьми, так и сюжетных, изображение смерти и насилия, людей как недочеловеков связано с разрушением личностной истории.

В связи с этим особенно важно то, что в стихотворении «Жил-был в доме тридцать три единицы...» обнаруживается повторяющийся мотив круга. Например, в образе доктора: «Доктор с веснушками возле губ // катал по столу хлебный шарик при помощи медицинской трубы» (Хармс, 2011, т. 1, с. 316). Врачи лечат пациентов, он же приходит к уже умершему пациенту и неизбежно проигрывает борьбу со смертью. При этом бессмысленность связана, прежде всего, с круговыми движениями персонажей. Сразу после доктора упоминается один из жильцов: «Тот, кому принадлежала квартира, // гулял по коридору от прихожей до сортира» (Хармс, 2011, т. 1, с. 316). Поведение племянника старика также обесценивает его, он словно забыл, что умер его родной человек, и притягивая к себе внимание, ведет себя так, словно не понимает, что такое смерть, путая ее с праздником: «Племянник покойника, желая развеселить собравшихся гостей кучку, // заводил граммофон, вертя ручку» (Хармс, 2011, т. 1, с. 316). Вращение ручки также связано с фигурой круга, что позволяет говорить о сквозном мотиве круга в данном произведении.

Этот текст важен, поскольку указывает на существенное изменение поэтики Хармса, и важным аргументом здесь являются существенные изменения в его восприятии круга. Если раньше в трактатах для Хармса круг был идеальной фигурой (Шадрин, 2009), воплощающей полноту, то теперь круг

указывает на бессмысленность человеческого существования и больше не связан со сферой трансцендентного. Ему по-прежнему важна проблема предметных границ и границ человека, однако человек уже не предстает всемогущим регистратором мира. Также ему по-прежнему важно найти путь за пределы обычной реальности, однако теперь его попытки остаются неудачными. Следовательно, в творчестве Хармса есть два разных вида абсурда: один связан с удивительным чудом, позволяющим выйти за границы реальности, а другой – с бессмысленным движением человечества по кругу обыденности. Это наблюдается позже в «Старухе» – в первой части текста герой постоянно движется по кругу: от своего дома к дому Сакердона Михайловича и обратно.

Следующей важной вехой является цикл «Случаи», который состоит из произведений, изначально не связанных между собой. Принцип их объединения обусловлен представлением Хармса о времени, основанном на философии Успенского: «в мире четырех измерений время – неостановимый и непрерывно движущийся процесс, что равнозначно его несуществованию. Время ощутимо по событиям, которые случаются, – это свойство плоского трехмерного мира. Его Хармс и описывает: «Поскольку истинное место пребывания человека – вневременная вечность, то все, что происходит во временном мире, не просто нереально и неистинно, но и отвратительно и уродливо» (Хармс, 2011, т. 2, с. 432–433). Так, мир в творчестве Хармса преимущественно изображается как ряд картин, между которыми нет связи, однако в целом они изображают уродливую эмпирическую реальность.

Особое внимание обращают на себя произведения «Оптический обман», «Макаров и Петерсен». Особенностью этих текстов является то, что в нем герои выбирают между двумя реальностями. Например, в рассказе «Оптические обман», герой, глядя в очки, видит сидящего на дереве мужика, который показывает ему кулак, однако отказывается в него верить. Так Хармс ставит проблему веры и неверия, выбора между верой и неверием.

Похожая проблема есть и в единственном рассказе цикла, в котором приведена бесспорная цитата из Евангелия, – это «Макаров и Петерсен». Петерсена ждет суд за его неверие: «Неверующий Петерсен исчезает <...> мотив неверия именно с точки зрения христианства подтверждается еще одной деталью рассказа. Петерсен <...> говорит: Ты и ноги, на всякий случай, вымыл бы!» (Кувшинов, 2014, с. 17). С помощью Евангелия актуализируется сюжет суда над грехом. Важно, что благодаря этому Хармс создает особую модель мира, подчиненного случайности.

Именно это приводит к тотальной бессвязности в поэтике Хармса в ряде его текстов середины 1930-х гг. В рассказах «О наших гостях» (середина 1930-х гг.), «Однажды Антон Бобров сел в автомобиль» (середина 1930-х гг.), «Вот однажды один человек по имени Петров» (середина 1930-х гг.), «Происшествие в трамвае» (середина 1930-х гг.), «Мионов сел на трамвай и поехал...» (1934–1936), «Кассирша» (1936), «Один человек лег спать верующим, а проснулся неверующим...» (1936–1937) персонажи совершают суетливые, бессмысленные поступки. Повествование в них тотально разрушено, Хармс постоянно нарушает конвенциональные эстетические нормы создания художественных текстов.

Так, рассказ «Кассирша» соотносим со стихотворением «Жил-был в доме тридцать три единицы...» способами воссоздания чувства ужаса: мертвое тело усаживают за кассу, то есть обращаются с ним, как с вещью, что сближает этот текст с «Жил-был в доме тридцать три единицы...». В произведении «Мионов сел на трамвай и поехал...» воспроизводится мотив внезапной смерти. Единственное, что происходит в этом рассказе – это смерть Мионова и составление милиционером протокола о том, что персонаж не умер насильственной смертью. Мионов умер бессмысленно, без причины. Благодаря свойственному Хармсу анекдотически-протокольному тону, смерть Мионова уподобляется здесь в итоге событию покупки чайника в рассказе «Происшествие в трамвае», и последняя кажется даже более удивительной персонажам Хармса, чем смерть человека. Рассказ «Один человек лег спать верующим, а проснулся неверующим» позволяет соотнести эти произведения середины 1930-х гг. с рассказом «Утро», поскольку поднимает проблему веры и неверия.

Итогом становится повесть «Старуха». В повести «Старуха» актуализируется архетип Пасхи (Корнеев, 2021). Сначала Хармс последовательно разрушает архетипический сюжет Пасхи вплоть до кульминации повести, в которой затем восстанавливает свойственные этому архетипу элементы, в результате чего происходит связанное с обращением к Богу духовное возрождение героя. Изначальное разрушение сюжета Пасхи вызвано нравственной деформированностью героя и мира, восстановление же этого архетипического сюжета создает ощущение удивительного и чуда. Чудо – центральная категория в этой повести, о ее особом значении писала А.Г. Герасимова⁴. Важно, что она выделяла как главную тему этой повести свободу воли; наш анализ позволяет говорить об этом более конкретно: это свободный выбор между верой и неверием. Герой повести «Старуха» обретает спасительную веру, увидев роль судьбы в своей жизни. А.Ф. Лосев связывал действие судьбы и чуда как встречи реального и идеального планов бытия: «И распоряжается нами только судьба, не кто-нибудь иной. – Итак, в чуде встречаются два личностных плана» (Лосев, 2001, с. 183). Именно действие силы судьбы как божественного промысла позволяет в финале повести герою пережить возрождение, воскреснуть вместе со Христом, обрести спасительную веру. Эмоциональный подъем в кульминации повести связан с чувством удивления тому, что чудо действительно случается, и рассказчик переживает встречу с Богом. В целом «Старуха» – история встречи рассказчика с Богом, поэтому это «чудесная личностная история» рассказчика, в соответствии с формулой А.Ф. Лосева.

Крайне важно, что в этой повести противопоставляется случайность и чудо, причем связанное с судьбой и, следовательно, планом Бога. Чудо в данном случае понимается вновь в ключе концепции А.Ф. Лосева как встреча эмпирического и идеального планов реальности. На это указывает окончание молитвы «Отче наш» (Хармс, 2011, т. 2, с. 422). Герой обращается к Богу, смирившись перед ним. Главным чудом в повести становится обрете-

⁴ Герасимова А.Г. Даниил Хармс как сочинитель (Проблема чуда). URL: <http://www.d-harms.ru/library/daniil-harms-kak-sochinitel.html> (дата обращения: 03.08.2021).

ние героем веры, вопреки всему. Обращает на себя внимание то, что Хармс приводит именно окончание молитвы, что превращает весь предшествующий текст в молитву, освящает и очищает его.

Заключение

Выполненный анализ позволяет следующим образом проиллюстрировать динамику в творчестве Даниила Хармса. Произведения 1930-х гг. свидетельствуют о коренных изменениях в его поэтике, которые начинаются в 1931 г. и достигают своей финальной точки в 1939 г., что оказалось связанным с постепенным отказом писателя от авангарда. С 1931 г. источником абсурда в произведениях Хармса становится бессмысленность существования человека. Основной проблемой этих произведений оказывается невозможность человека перейти к иной, божественной реальности. Эта проблема разрешается в «Старухе» через обращение рассказчика к Богу.

Динамика перехода от космогноэсхатологического архетипа к пасхальному оформляется в сюжет сомнения, свойственный творчеству Хармса 1930-х гг., с помощью которого осуществляется выбор героев между верой и неверием, между двумя мирами – подчиненного чуду и подчиненного случайности.

Список литературы

- Есаулов И.А. Пасхальный архетип русской литературы как фактор жанропорождения // Дергачевские чтения. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2009. Т. 1. С. 164–173.
- Кобринский А.А. Даниил Хармс. М.: Молодая гвардия, 2008. 501 с.
- Козина Т.Н. Эволюция пасхального архетипа. Тамбов: Юком, 2019. 80 с.
- Корнеев А.В. Архетип Пасхи в повести «Старуха» Даниила Хармса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. № 7. С. 1969–1974. <https://doi.org/10.30853/phil210359>
- Корнеев А.В. Метанойа Даниила Хармса: переход от космогноэсхатологического к христианскому мифу и отказ от авангарда // Имагология и компаративистика. 2022. № 17. С. 98–111. <https://doi.org/10.17223/24099554/17/5>
- Кувшинов Ф.В. Оккультизм в творчестве Д.И. Хармса // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2014. № 2. С. 14–18.
- Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М.: Мысль, 2001. 558 с.
- Хармс Д.И. Записные книжки. Дневник: в 2 кн. Кн. 1 // Полное собрание сочинений. СПб.: Академический проект, 2002. 484 с.
- Хармс Д.И. Собрание сочинений: в 3 т. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2011.
- Хомякова О.Р. Конфликт как категория литературоведения: аналитические стратегии исследования // Вестник Российский университет дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. Т. 26. № 3. С. 501–510. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2021-26-3-501-510>
- Шадрин А.А. Реальность пограничного существования «Я» в «Мыре» Даниила Хармса. Ижевск: Удмуртский университет, 2009. 122 с.

References

- Esaulov, I.A. (2008). Easter archetype of Russian literature as a factor in genre generation. *Dergachevskie Chteniya: Conference Proceedings* (pp. 164–173). Yekaterinburg. (In Russ.)

- Kharms, D.I. (2002). *Notebooks. Diary. Book 1*. St. Petersburg: Akademicheskii Proekt Publ.; 2002. (In Russ.).
- Kharms, D.I. (2011). *Collected works*. St. Petersburg: Azbuka Publ., Azbuka-Attikus Publ. (In Russ.).
- Khomyakova, O.R. (2021). Conflict as a category of literary studies: Analytical research strategies. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 26(3), 501–510. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2021-26-3-501-510>
- Kobrinskij, A.A. (2008). *Daniil Kharms*. Moscow: Molodaya Gvardiya Publ. (In Russ.).
- Korneev, A.V. (2021). The archetype of Easter in the story “The Old Woman” by Daniil Kharms. *Filologicheskie Nauki. Voprosy Teorii i Praktiki*, (7), 1969–1974. (In Russ.) <https://doi.org/10.30853/phil210359>
- Korneev, A.V. (2022). Metanoia of Daniil Kharms: A transition from cosmogono-eschatological to Christian myth and rejection of the avant-garde. *Imagologiya i Komparativistika*, (17), 98–111. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/24099554/17/5>
- Kozina, T.N. (2019). *The evolution of the Easter archetype*. Tambov: Yukom Publ. (In Russ.)
- Kuvshinov, F.V. (2014). Occultism in D.I. Harms creative activity. *Vestnik KRAUNC. Gumanitarnye Nauki*, (2), 14–18. (In Russ.).
- Losev, A.F. (2001). *Dialectics of myth*. Moscow: Mysl' Publ. (In Russ.).
- Shadrin, A.A. (2009). *The reality of the borderline existence of “I” in “Myr” by Daniil Kharms*. Izhevsk: Udmurt University. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Корнеев Александр Владимирович, аспирант, кафедра русской и зарубежной литературы, Томский государственный университет. ORCID ID: 0000-0002-8021-2542. E-mail: alexxlea2013@gmail.com

Bio note:

Alexander V. Korneev, postgraduate student, Department of Russian and Foreign Literature, Tomsk State University. ORCID ID: 0000-0002-8021-2542. E-mail: alexxlea2013@gmail.com